

Вступлeние

Эй...

Не пойму, который час. Только бы запись работала... Я очнулся несколько минут назад. Все еще темно. Понятия не имею, сколько времени пробыл в отключке.

В разбитое лобовое стекло метет снегом, лицо замерзло, моргать и то больно. Такое ощущение, будто краска на щеках засохла. Благо, что во рту ее вкуса не ощущается.

Меня колотит... и такое чувство, будто кто-то уселся мне на грудь. Задыхаюсь. Наверное, сломано несколько ребер. Вдруг легкое не дышит?

Здесь, на высокогорье, воеет злой ветер, треплющий хвост фюзеляжа... или его остатки. Что-то сверху — ветка, наверное, — корябает по плексигласу, звук такой, будто ногтями проводишь по школьной доске. Сзади, оттуда, где раньше был хвост, тянет холодом.

И несет керосином. Думаю, в баках самолета еще полно горючего.

Борюсь с тошнотой.

Меня обхватила рука. Холодные заскорузлые пальцы, потертое обручальное кольцо. Это Гровер.

Он умер еще до того, как мы задели верхушки деревьев. Загадка, как он умудрился уронить эту штуку, не убив заодно и меня.

При взлете наземная температура была еще более-менее. Не уверен, что теперь она такая же. По ощущению — гораздо холоднее. Высота полета должна была составлять где-то 11500 футов. Мы упали не больше чем на пятьсот футов, когда Гровер завалился на крыло. Приборная панель не горит, припорошена снегом. Изредка вспыхивает и сразу гаснет маячок GPS.

Где-то тут была собачонка, зубы да мышцы, больше ничего. Короткошерстная такая псина, размером с хлебницу, с дыханием, как сердитое бульканье. Ты совсем помешался, дружок? Погоди...

Вот так... Нет, не так. Ладно, лжись, только, чур, не прыгать! Как тебя зовут? Тебе страшно? Мне тоже.

Никак не вспомню его кличку.

Опять очнулся... Надолго я вырубился? Ага, песик. Зарылся мне под куртку, залез под мышку.

Я уже о нем говорил? Кличку не вспомню, хоть убей.

Его трясет, веки трепещут. При каждом порыве ветра он вздрагивает и пытается огрызнуться.

В голове туман. Мы с Гровером разговаривали, когда он управлял самолетом. Иногда мы проваливались в воздушные ямы, на приборном щитке плескалось море синих и зеленых огоньков, под нами было чернo, ни единого проблеска света миль на

шестьдесят в любую сторону... Еще была женщина. Она торопилась домой, к жениху, на обед накануне своего бракосочетания. Сейчас взгляну.

...Нашел. Она без чувств. Пульс частый. Запльвившие глаза, расширенные зрачки. Вероятно, сотрясение мозга. Глубокие порезы на лице, на некоторые надо бы наложить швы. Правое плечо вывихнуто, перелом левого бедра. Кожа не прорвана, но нога вывернута, штанина натянута. Надо вправлять, вот только отдышусь...

Холодает. Похоже, нас настигла буря. Если не найду, во что закутаться, замерзнем здесь до смерти еще до рассвета. Ногу придется отложить до утра.

Рейчел!.. Не знаю, сколько времени нам осталось, не знаю, выживем ли, но... Я беру назад свои слова. Я был не прав, вспылил. Нельзя было все это говорить. Ты думала о нас обоих, а не о себе одной. Теперь я это понимаю.

Ты права. Была права все это время. Шанс существует всегда.

Всегда.

Глава 1

*Аэропорт Солт-Лейк-Сити
12 часами ранее*

Вид был хуже некуда: все серое, унылое, одно слово — январь. Тип на телеэкране у меня за спиной заикнулся, сидя в своей нью-йоркской студии, об «отмене полетов из-за плохих метеоусловий». Я прижался лбом к стеклу. Ребята в желтых комбинезонах везли по летному полю длинные вереницы тележек с багажом, оставлявших в снегу глубокие колеи. Рядом со мной сидел на выдавшем виды чемодане усталый летчик, комкая в руках фуражку; он еще надеялся, что представится шанс добраться до дому и провести ночь в своей постели.

На западе тучи окутали взлетную полосу; видимость была нулевая, но ветер временами разгонял туман, как будто отворяя окна надежды. Аэропорт Солт-Лейк-Сити окружен горами. На востоке над облаками поднимались заснеженные вершины. Меня всегда влекли горы. Даже сейчас я задумался: а что там, за горами?

По расписанию мой рейс должен был вылететь в 6.07 вечера, но все остальные рейсы так сильно задерживались, что и мой могли отложить до утра. А то и вовсе отменить. Устав смотреть на мигающую строчку «задержан» на табло, я переполз в

угол у дальней стены, разложил кое-как на коленях истории болезни и стал надиктовывать в цифровой диктофон отчеты, диагнозы, рекомендации. Все это были пациенты, которых я осматривал за неделю до отъезда. Взрослых я тоже лечил, но большинство историй, которыми я обложился, были детскими. Много лет назад Рейчел, моя жена, уговорила меня заняться детской спортивной медициной. Она была права: на хромающих ребятишек невозможно смотреть без сочувствия, зато когда они радостно убегают вприпрыжку — это счастье.

Работы было еще полно, а красная лампочка — индикатор разрядки батареи на моем диктофоне — уже мигала, поэтому я отправился в киоск. Оказалось, что две батарейки АА стоят там 4 доллара, а двенадцать штук — 7. Я отдал продавщице 7 долларов, заменил в диктофоне батарейки и убрал оставшиеся десять штук в рюкзак.

Я возвращался с медицинской конференции в Колорадо-Спрингс, где участвовал в работе секции «Взаимосвязь детской ортопедии и неотложной помощи». Речь у нас шла о способах экстренной помощи и госпитализации, об особенностях подхода к детям с учетом страха, который они испытывают. Место для конференции было выбрано чудесное, сама она полностью удовлетворила меня профессионально, а главное, у меня была возможность посвятить четыре дня восхождению на горы Колледжиэйт Пикс рядом с Буэна-Виста. Если честно, в этой поездке мои деловые интересы совпали с туристическими. Многие врачи покупают «Порше», большие дома, платят за членство в загородных клубах, хотя редко там появляются. А я совершаю длинные пробежки по пляжу и занимаюсь альпинизмом, когда попадаю в горы.

Поездка продолжалась неделю.

На обратном пути я перелетел из Колорадо-Спрингс в Солт-Лейк, чтобы оттуда лететь напрямик до дома. Воздушные путешествия не перестают меня восхищать: летишь на запад, чтобы оказаться на востоке. Толпа в аэропорту поредела: большинство стремилось к воскресенью оказаться дома. Те, кто остался в аэропорту, толпились либо у своих выходов, либо в баре, коротая время за пивом, над корзинками начос или копченых крылышек.

Ее походка привлекла мое внимание сразу: длинные стройные ноги, решительный, но при этом грациозный и ритмичный шаг. Раскованность, уверенность в себе. Росту в ней было пять футов и девять-десять дюймов, волосы черные; привлекательная, но не слишком озабоченная своей внешностью. Лет тридцать. Короткая прическа. Похожа на Вайнону Райдер в «Прерванной жизни»¹ или на Джулию Ормонд в «Сабрине»² с Харрисоном Фордом. Могло показаться, что ей наплевать на свой внешний вид, но на Манхэттене часто встречаешь таких стильных девушек, заплативших за свою внешность большие деньги. Эта, держу пари, не слишком потратилась. Или другой вариант: раскошелилась, чтобы, глядя на нее, можно было подумывать, что она отсчитала сущие гроши.

Она подошла ближе, оглядела толпу и выбрала себе местечко на полу футах в 10—15 от меня. Я наблюдал за ней краем глаза. Темный брючный костюм, кожаный атташе-кейс, сумка на колесиках. Судя по

¹ Фильм производства США–Германия (1999 г.), режиссер Джеймс Мэнголд. В главных ролях — Вайнона Райдер, Анджелина Джоли и др. (*Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.*)

² Фильм производства США–Германия (1995 г.), режиссер Сидни Поллак. В главных ролях — Харрисон Форд, Джулия Ормонд, Грег Киннер.

виду, возвращается из короткой деловой поездки. Она поставила на пол вещи, переобулась в кроссовки и, сидя на полу и разглядывая терминал, стала делать гимнастику. У нее получалось прикасаться лбом, грудью, даже животом к бедру, потом к полу между ногами — наверное, это было привычное для нее упражнение. Ноги у нее были мускулистые, как у инструктора по аэробике. Поупражнявшись несколько минут, она достала из кейса несколько желтых блокнотов и стала листать странички с рукописными заметками. Одновременно набирала что-то на ноутбуке. Ее пальцы мелькали, как крылышки колибри.

Через несколько минут ее компьютер подал жалобный сигнал. Она нахмурилась, зажала зубами карандаш и стала шарить глазами по стенам в поисках розетки. Я как раз заряжал свой компьютер из парной розетки, второй вход был свободен.

— Не возражаете? — обратилась она ко мне, показывая вилку сетевого шнура.

— Конечно.

Она подсоединилась и села на пол по-турецки с компьютером, разложив вокруг себя блокноты. Я продолжил свои занятия.

«Диспансерное наблюдение после ортопедической консультации... — Я стал изучать календарь, вспоминая дату. — 23 января. Доктор Бен Пейн. Пациент — Ребекка Петерсон. Личные данные: родилась 7-6-1995, медицинский номер ВМС2453, пол женский, белая, ведущий правый край футбольной команды, чемпионка Флориды по голам, множество предложений от команд страны, в том числе 14 от команд первого дивизиона; операция 3 недели назад, послеоперационное состояние хорошее, осложнений нет, интенсивная физиотерапия, полный двигательный диапазон, тест на сгибание 127 градусов, значительное улучшение при

силовой проверке и при проверке на подвижность. Она стала как новенькая, даже лучше, чем раньше, как сама говорит. Ребекка утверждает, что теперь движения безболезненны и что она готова возобновить любую деятельность, кроме скейтборда. Снова встать на скейтборд ей разрешено только после 35 лет».

Я перешел к следующему пациенту.

«Первичная ортопедическая консультация 23 января, доктор Бен Пейн...»

Я каждый раз повторяю одно и то же, потому что в нашем электронном мире каждая запись живет собственной жизнью и в случае утраты требует идентификации.

«Пациент Рашид Смит, личные данные: дата рождения 19 февраля 1979 г., медицинский номер VMС17437, пол мужской, черный, начинал как бэк в защите в команде «Джексонвилл Джэгуарз». Один из самых быстроногих людей, каких мне доводилось видеть. Магнитно-резонансное исследование не подтверждает разрыва связок и сухожилий, рекомендована интенсивная физиотерапия и воздержание от баскетбола до завершения карьеры в профессиональном футболе. Ограниченность в движениях из-за боли и чрезмерной чувствительности, которые должны исчезнуть при лечении после завершения игрового сезона. Может возобновить ограниченные силовые и скоростные тренировки после прекращения болей. Осмотр раз в две недели, прекращение членства в баскетбольном клубе YMCA¹».

Убирая истории болезней в рюкзак, я заметил, что она смеется.

¹ YMCA (ИМКА; от *англ.* Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация) — молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.

— Вы врач?

— Хирург. — Я показал ей папки. — Пациенты за неделю.

— Вы хорошо разбираетесь в пациентах. — Она пожала плечами. — Простите, я невольно подслушала.

Я кивнул.

— Жена научила меня одной важной вещи.

— А именно?

— Что люди — не просто суммы артериального давления и пульса, поделенные на индекс массы тела.

Она опять прыснула.

— Значит, вы доктор моего типа.

Я указал подбородком на ее блокноты.

— А вы?

— Обозреватель. — Она ткнула пальцем в бумаги перед собой. — Пишу для нескольких женских журналов.

— На какие темы?

— Мода, тенденции, юмор и сатира, отношения... Но я не анонимная бумагомарака и не занимаюсь сплетнями.

— Из меня писатель, честно говоря, никакой. Сколько статей вы пишете за год?

Она задумчиво покачала головой.

— Сорок-пятьдесят. — Она посмотрела на мой диктофон. — По-моему, большинство врачей не выносят эти штуки.

Я повертел диктофон в руке.

— А я без него шагу не делаю.

— Темный штрих на фоне белого халата?

— Что-то вроде этого, — согласился я со смехом.

— Трудно было привыкнуть?

— Потребовалось время. Зато теперь я жить без него не могу.